

РОДИНА

НИКОЛАЙ МИЛОВ
Родился в 1992 году в Саратове. Окончил Пензенский государственный университет. Пишет рассказы в направлении «реализм».

6.

Пора бы заснуть. Как можно любить поезда? Узкие полки – будто спишь на жердочке. Мозг то и дело думает, что ты падаешь. Сразу просыпаешься, сон – как ветром сдуло. Но ветра нет. Окна открывать нельзя: «Работает кондиционер». Идешь к проводнику, просишь включить.

– Ждите, поезд наберет скорость, все заработает! – отвечает проводница голосом паспортистки на обеде.

Не успеваешь вернуться, как твое родное купе превращается в ледник. И снова бежишь к проводнику.

– Сделайте что-нибудь! Убавьте!

Народ должен быть един и в счастье, и в страдании. И если не получается в счастье, то непременно получится в страдании. Наверняка именно так рассуждал конструктор этого вагона.

Кондиционер работал на весь вагон сразу. Но в некоторых купе вентиляция засорилась, поэтому, как бы проводник ни крутил настройки подачи воздуха, жара и духота не уходят.

И каждый раз в коридоре сталкиваются непримиримые классовые враги – прозябшие и удушенные. И каждый раз победителя определяет проводник – то ли по улыбке, то ли по количеству купленного чая, то ли еще по каким-то неведомым критериям.

В поезде главное – уснуть первым. В противном случае не ты будишь окружающих храпом, а храпом будут будить тебя. И ты обречен вдыхать неповторимый букет ароматов – запах пота, дешевых специй и сломанного туалета, который вместо ремонта просто закрыли на вечную санитарную зону.

«Пора бы заснуть», – думал Олег, с тоской глядя в окно, где мелькали первые проблески расвета.

– Через тридцать минут прибытие! – сообщает противный голос проводницы.

Поезд замедлил пульс. Леса и поля за окном сменились стенами гаражей, заборами и пустырями; вплыл вокзал. Приехали.

Народ прыснул на улицу из вагона, как кровь из раны. Галдели таксисты, сигналили машины. Воздух был по-весеннему пронзителен. Морщась, Олег выискивал, куда в снежно-водной каше можно поставить новенькие французские ботинки. Это была настоящая рулетка: плитка была раздроблена ломами усердных борцов с гололедицей, и было неясно, какая лужа какой глубины.

Посмотрев цены на такси, Олег решил, что соскучился по троллейбусам, и пошел к ближайшей остановке, громыхая ярко-красным чемоданом. У остановки стоял старый торговый центр. Между двумя входами, один из которых вел в магазин,

а другой – в стриптиз-клуб, размещался транспарант. Половина транспаранта висела культей, поэтому все, что мог прочесть прохожий, было: «...ная столица России!»

Под словом «столица» на самодельном столике армянин торговал мимозами. У столика толпились мужчины.

«Надо матери купить, – подумал Олег. – Всегда любила мимозы. И вроде как не с пустыми руками приехал».

– Есть особый букет! – заметив интерес Олега, сказал продавец. – Горный первоцвет! Только привезли!

Армянин достал из-под столика куцую связку веточек с белыми цветочками. В Олеге проснулся азарт. «Мимозу я дарю каждый год, – рассуждал Олег. – А тут – горный первоцвет!»

– А они не искусственные? – спросил мужчина рядом.

– Какой искусственный? Обижает! – возмутился продавец и замахал руками.

«Действительно. Это ж не ритуальная лавка. Что за глупость он спрашивает?» – подумал Олег и в этот момент увидел свой троллейбус. Ходили они редко – и следующий мог прийти только через час. Олег сунул продавцу купюру (первоцвет стоил раза в два дороже мимозы) и побежал за троллейбусом.

Плюхнувшись на протертое сиденье и водрузив рядом красный чемодан, Олег наконец-то выдохнул.

Троллейбус затрясся, вздохнул, загудел и дернулся. Где-то что-то бряцало, клацало, фыркало, свистело. Тыр-тыр-тыр. Фыр-фыр-фыр. Троллейбус словно распевался от низких грудных тонов до высоких. Затем щелчок – и все встало. Водитель, выругавшись, вылез из кабины и полез поправлять «рога».

«Все прелести провинциального транспорта за одну поездку», – подумал Олег. Ему хотелось спать, хотелось быстрее попасть домой. Было тяжело на чем-то сосредоточиться и еще тяжелее ждать, когда же уже троллейбус снова поедет.

Олег стал рассматривать купленный им первоцвет. «Мило и просто», – мелькнуло у него в голове, как вдруг он заметил странную белую каплю около цветка. Он вгляделся – и точно: капля засохшего клея. Олег в панике осмотрел остальные цветы – каждый был достаточно грубо приклеен к ветке.

«Вот тебе и не ритуальная контора! Сволочи! Лишь бы нажиться! – про себя рвал и метал Олег. – Может, выйти? Успею надавать этому уроду

по морде? По этой жадной, лживой морде!» Олег с удовлетворением представил, как лупит продавца по лицу букетом. А потом представил, как троллейбус уезжает от него с его чемоданом. И решил остаться. «Что ж, Анька, может быть, права насчет очков. Вернусь – надо дойти до окулиста. Если подумать, не так уж и много я потерял денег. Стоимость невызванного такси».

На своей остановке Олег ловко перепрыгнул большую лужу. А мужчина за ним утонул в ней по колено. Эту лужу Олег знал давно и не раз в ней тонул. «Уж за тридцать лет могли бы и засыпать. Или сделать хоть что-то, бездари!» – мысленно ругался Олег.

Выбросив первоцвет в мусорный бункер («Какой им отдельный сбор, какое вторсырье? Сюда бы выбрасывали!»), Олег обратил внимание на стену трансформаторной будки позади. На ней красовалась большая, уже немного выцветшая надпись: «Олег+Гузяль=<3».

Гузяль – сестра Марата, друга Олега. Она была старше их на пару лет. Олег при ней старался шутить погрязнее, грубить и зло подкалывать. Потом неожиданно для всех – для себя в том числе – принес ей цветы. Режущее «как брата» положило начало череде отказов и сердечных пыток.

Однажды Марат добыл баллончики с краской, и вместе с Олегом они пробрались во двор одноклассника и под его окнами написали всяких гадостей. Потом, возвращаясь счастливым домой, Олег увидел большую чистую стену за мусоркой и размашисто написал на ней остатками баллончика: «Олег+Гузяль=<3». Вскоре Гузяль поступила в университет в другом городе. И история несчастной любви закончилась.

С улыбкой вспомнив прошлое, Олег подумал: «Уж за столько-то лет могли бы и закрасить, елки-палки! Совсем городом не занимаются!»

Серая железная дверь, облепленная недосодранными объявлениями. Кое-где еще читались надписи: «Кредит», «Банкротство», «Ремонт компьютеров». Новый домофон. Пока не работает.

Новый лифт. Когда успели заменить? Родная коричневая дверь. Прежде чем нажать на кнопку звонка, Олег невольно провел рукой по дверному полотну, задерживаясь на малейших шероховатостях и неровностях. Внезапно дверь распахнулась. – Счастье! Приехал, приехал, родной! Счастье! – причитала мать, обнимая и целуя сына. – Худой какой! Совсем в этой своей Москве ничего не ешь!

Стол для сыночки был «скромн», за что мать несколько раз извинилась: ваза с яблоками, мандаринами, хурмой и бананами; вазочки с фундуком, кешью и фисташками; тарелка пяти разных колбас; тарелка пяти разных сыров; бутерброды с красной рыбой; каша; баночки вишневого и малинового варенья; баночка меда.

Отец стеснительно стоял поодаль. Олега накрыла знакомая духота, перемешанная с запахами пыли, хлеба и пряностей. От матери шел едва уловимый, но всегда узнаваемый цветочный запах духов.

– Устал, наверное, поспишь сначала? Или поешь? – спросила мать.

Спать хотелось жутко. Но ароматы домашней кухни будоражили живот Олега.

Стол для сыночки был «скромн», за что мать несколько раз извинилась: ваза с яблоками, мандаринами, хурмой и бананами; вазочки с фундуком, кешью и фисташками; тарелка пяти разных колбас; тарелка пяти разных сыров; бутерброды с красной рыбой; каша; баночки вишневого и малинового варенья; баночка меда.

И пицца. Большая квадратная (по форме противня) пицца, нарезанная на такие же квадратные куски. На каждом кусочке в расплавленный сыр щедро были наложены томаты, зелень, куски буженины и еще какие-то неведомые ингредиенты. Как же в детстве Олег ненавидел эту пиццу, особенно когда мама готовила ее вместо того, чтобы купить «настоящую», круглую. Как в кино. Мамина

была слишком мясной, слишком насыщенной. В ней не было магии коробки. С ней ты не чувствовал себя героем.

Теперь Олег с жадностью набросился на квадратную пиццу. Когда она стала такой вкусной?

– Кушай, это же все натуральное! Ты такого у себя не поешь. Фрукты тоже кушай! – говорила мама, подкладывая еду Олегу в тарелку. – А что же Аня не приехала?

– У нее там на работе что-то, да и дел полно, – с набитым ртом ответил Олег. – Да и я не на отдых приехал. Я в этот раз хочу все-таки разобрать дедову квартиру. Аня подала заявку на ипотеку. Нам нужен будет первый взнос.

– Ты кушай-кушай, – сказал отец, наливая сыну в стакан компот. – Разберем.

В этот момент Олег заметил на подоконнике большую позолоченную жабу с монеткой во рту. У жабы были огромные, как у дракона, когти и странные раскосые глаза, которые придавали ей глуповатый вид.

– А это что за зверь такой?

– Машины очередные заморочки, – отмахнулся отец, потирая грудь.

– Это денежная жаба! – гордо заявила мать. – Она приносит удачу, благополучие в дом. Ей вот нужно тереть лоб. И думать о чем-то позитивном.

Мама демонстративно потерла жабе лоб, подняла вверх глаза, усердно думая о чем-то позитивном, а затем с видом актера на поклоне сказала:

– Вот так!

Олег растерянно смотрел на мать, а отец, похихикав, спросил Олега:

– Как там Москва?

– Да как? Стоит!

На четвертом куске пиццы Олег подумал, что за один завтрак превысит свой дневной лимит калорий. «В отпуске можно», – решил Олег, кладя в рот кусок колбасы.

– Ты кашу ешь, а то остынет, – заметила мать. – Тебе до работы далеко добираться?

– Недалеко, около часа.

– Целый час! – хором воскликнули родители.

– По меркам Москвы – это недалеко, – сказал Олег, ухмыляясь и прихлебывая компот.

– По телевизору говорят, в метро новые станции открыли у вас? – спросил отец.

– Да, ветку удлиннили. Я там еще не был. У нас их часто открывают. Не утонишься! Транспорт в Москве отличный! Вон троллейбусы эти трескучие

все электробусами заменили! Однажды и до вас дойдет, – ответил Олег, а затем уточнил: – Регионы постоянно за Москвой повторяют.

- «Я в синий... электробус сажусь на ходу, последний, случайный», – задумчиво пропел отец.
- А что же метро – громыкает, как раньше? – спросила мама.
- Кое-где. Но в основном уже новые вагоны. Они тихие и быстрые! И очень удобные.
- Ой, я помню, раньше громыкали так, что кричи – не услышат! – воскликнула мама.
- В Москве все старое убирают. Там... у нас очень хорошо, – заметил Олег, дожевывая последний кусок пиццы. – Высокий уровень! Во всем.

5.

Деда Олега за педантизм прозвали немцем. Вся свою жизнь и жизнь своих близких он подчинил неписаному уставу. В доме, где вырос отец Олега, всегда был идеальный порядок. У каждой вещи было свое место. И нарушение этого порядка строго наказывалось. Так рассказывал отец.

Когда умерла бабушка, родители продали дом деда и перевезли его поближе к себе, купив двухкомнатную хрущевку. Дед поселился в одной комнате, а вещи из проданного дома, в основном большую библиотеку, разместили в другой. В последние годы дед пытался библиотеку разобрать и установить в квартире знакомый ему порядок, но ему уже не хватало сил, а близким – времени.

- Мы здесь ничего не трогали. Оставили все до твоего приезда. Я цветы только забрала. Можешь не разуваться, – сказала мама, когда они вошли в квартиру.

Олег, осторожно ступая, пошел в некогда жилую комнату. Он внимательно осматривался, но ни к чему не прикасался, словно был в музее. Напротив входа стоял темно-коричневый шифоньер. Он был опустошен сразу после похорон. Мать Олега с удивительным остервенением избавлялась от одежды покойного.

Около шифоньера – старый советский диван. Кое-где торчал поролон. Олег медленно провел по нему рукой, стараясь пальцами почувствовать каждую ниточку старой ткани, а затем сел.

На стене висели два пейзажа – один зимний, другой летний – и три семейные фотографии. Почему-то все они были завешены какими-то тряпками. В другом конце комнаты стоял телевизор. Из-за

телевизора выглядывало благодушное лицо святого Пантелеймона. Бабушкина икона. Дед, овдовев, спрятал ее и никогда не доставал.

Слева от телевизора – секретер. Он забит какими-то бумагами, книгами, грампластинками. Один из откидных ящиков закрыт на шпингалет. Олег сам прикрутил.

В центре комнаты – письменный стол. Без очков, без ручки с памятной надписью, без кроссвордов и без календаря со сделанными от руки пометками вроде «День радио», «Триумф Кубинской революции», «День рождения Олежека». Пустой стол.

Ощущения, будто дед куда-то вышел и вот-вот вернется, в этот раз не было. Даже обидно.

- Ну что, начнем? – спросил Олег, потирая руки. – Давайте, наверное, я сюда буду вещи из той комнаты приносить, а вы их разбирайте. Книги либо в библиотеку, либо вон в какое-нибудь антикафе оттащим.

Во второй комнате были стеллажи и коробки. Олег стал подтаскивать коробки и стопки книг, а родители раскладывали вещи по трем кучкам: то, что выбросить, то, что кому-то отдать, и то, что нужно оставить. Первые две кучки подозрительно долго оставались маленькими и состояли в основном из какой-то макулатуры, брошюр, советских газет, компакт-дисков Олега, которые как-то попали в дедовы вещи. Третья же постепенно превращалась если не в Эверест, то в какой-нибудь Эльбрус.

- Так, я что-то не понял. Вы разбираете или просто все оставляете? Что это такое? – спросил Олег, поднимая книгу в синем переплете.
- Это Жюль Верн. Собрание сочинений! Ты знаешь, как мы за ним гонялись? – ответил отец.
- Так, тут третий том. Тогда где остальные?
- Где-то здесь должны быть, сейчас найдем.
- Пап, а зачем все это? Ты Жюль Верна читать будешь или что? А здесь что? – Олег пренебрежительно толкнул ногой коробку, которая была приставлена к третьей кучке.

Мать замахала руками.

- Что ты делаешь! Там же посуда, аккуратнее! Это сервиз! Мы дедушке с бабушкой на серебряную свадьбу дарили. Это память!

Памятью оказались и старые сигареты Clea, юбилейная монета «50 лет советской власти», двадцать пять томов «Всемирки», дедовские блесны, партбилет и еще много-много чего. По поводу каждой вещи Олег спорил, пытался убедить выкинуть или продать. Где-то, как с блесна-

ми, он побеждал, где-то проигрывал, как с сигаретами Сlea, которые мать, не курившая с юности, собиралась забрать домой.

За очередной коробкой Олег обнаружил гитару. Свою гитару.

– Ой, а я все думала, куда же она делась! – сказала мама.

Олег ненавидел гитару. В музыкальную школу он пошел, потому что этого хотел дед. Получив корочку выпускника, Олег почти не прикасался к инструменту, кроме пары десятков квартирников, нескольких походов, студвесны и ночи, когда Олег, сидя в кустах, аккомпанировал, пока Марат делал предложение будущей жене.

– Сыграй что-нибудь, Олежа, – попросила мать. – А то музыки, как ты уехал, совсем не стало.

– Ты вот деду играл постоянно мелодию... Та-та, – попытался напеть отец, но закашлялся.

Деду Олег играл только полонез Огинского, единственное произведение, которое он помнил с музыкальной школы. Играл каждый раз, когда приходил в гости. Дед шутил, что Олег не уходит, пока не исполнит программу. А у Олега в голове жила дурацкая примета, договор со вселенной, что, пока Олег играет здесь этот злосчастный полонез, дед будет жить. Он понимал всю глупость этой мысли, этой приметы, но продолжал играть. А вдруг не глупость? И дед жил. До недавнего времени. Сразу после похорон Олег запрятал гитару за коробку.

Олег сел на диван, поставил гитару на колени и рукой стер с нее пыль. Затем тронул струны, подкрутил колки и начал играть. Он дважды ошибся и дважды начинал заново. Как только Олег закончил играть, в квартире повисла тишина.

Наконец отец тяжело вздохнул, а мать с надрывом сказала:

– Как же... Как же быстро все пролетело.

В тот день они решили больше не разбирать вещи.

4.

– Кто звонил? – спросила мама, засовывая в духовку шарлотку. – С работы?

Олег отложил телефон, взял кусок яблока и откинулся на спинку стула.

– Да нет, это Слава. Мм, как бы объяснить... Он муж... Муж Сони, Аниной подруги. Мы иногда со Славой вместе молчим на общих встречах, – усмехнулся Олег, взял со стола печенье и начал жевать. – У них там с Соней какая-то дата,

хотел сюрприз ей сделать. В театр сводить. Вот – проконсультировался. Он как-то часто стал звонить.

– Как приятно! С тобой советуются!

На кусок яблока село несколько мелких мошек. Олег смахнул их.

– Конечно! Я не суперзнаток, но в целом посоветовать могу. Да там и советовать особо нечего. Славка сам по театрам не ходок, поэтому и звонил. А Сонька... Как бы это сказать. Она неглубокая. Не знаю, почему вообще Анька с ней дружит. Но она очень хочет казаться интеллектуалкой. Хотя всунь ей в спектакль какую-нибудь метафору или убери стандартные декорации – все, ей ничего не понятно, спектакль плохой и так далее.

– И что ты посоветовал? – спросила мама, нарежая салат.

Олег потянулся за следующим кусочком яблока и обнаружил там еще несколько мошек. Помахав рукой, он взял все блюдце и, прикрывая ладонью, поднес к себе.

– Отправил его в Малый. Там и актеры известные, и постановки... как это... классические. Как раз по Соне. А вы как с папой? В театр ходите?

– Да куда там... – ответила мама, двигая морковь по лезвиям терки.

Олег жевал яблоки, периодически отмахиваясь от мошек. Заметив это, мама сказала:

– Совсем достали мухи эти. С фруктами, что ли, их принесли. Не было, не было, а вот опять появились.

Дожевывая последний кусок, Олег поставил блюдце на стол и сказал:

– Да, знаю я наш театр. Китч и пошлость, зато амбиций – на все «Золотые маски».

– Да отца никуда не вытянешь, – вдруг заворчала мама. – Он же молчит, как сыч. «Чего хочешь? Пойдем куда-нибудь выйдем», – говорю. А он: «Куда скажешь». Недавно вот за грудь держался. «Сердце?» – спрашиваю. А он молчит. А я ж волнуясь. Тяжело с ним! Может, поговоришь с ним, Олежа?

– А что я ему скажу? – Олег засунул в рот печенье из вазочки.

– Да хоть к врачу отправь! Он же не ходит. Говорит: «Там запись на месяц вперед, за это время само пройдет».

«Бабка ноет по ночам, но не ходит по врачам. Говорит: «Зачем к врачу? Я еще пожить хочу»», – продекламировал про себя Олег, а вслух сказал:

– Ну, пусть в частную пойдет.

При словах о частной клинике мать вжала голову в плечи и начала усерднее резать овощи. Не оборачиваясь на сына, она заговорила:

- Представляешь, не помню состав... Помню, что помидоры, помню зелень, мак. А что еще в салат класть? Как из головы вылетело!
- Курицу настрогать. И сухарики, – подсказал Олег. – Ты темы-то не меняй! У вас что, с деньгами проблемы? Вам дать?
- Точно! Курица! Про сухарики помню, конечно...
- Мам!
- Что? Ты про деньги? Да какие проблемы с деньгами? – Мама отвлеклась от нарезки салата и машинально принялась тереть лоб жабой на подоконнике. – На жизнь хватает – и слава богу. Я вот недавно видео одно смотрела, там классная аффирмация на деньги есть. Я ее каждый вечер читаю. И знаешь, мне вот подработка прилетела. Отцу премию обещают. Так что действует. Хочешь, научу?

Урок прервался звонком в дверь. Отец вернулся из магазина.

3.

Зной дня еще не сошел, и на футболке Марата разрасталось мокрое пятно Роршаха. По улице гуляла тополиная поземка. Темнело медленно, но на дорогах уже загорались первые желтые фонари. Из летнего кафе, где сидели Олег и Марат, тихонько доносилась песня «Би-2», что-то про разбитый телевизор. На бульваре неподалеку хриплый певец считал с кукушкой ненаписанные песни.

«Интересно, почему друзья всегда стареют быстрее?..» – размышлял Олег, разглядывая Марата. За последний год тот получил повышение по работе, еще один подбородок и новые поводы для жалоб на жизнь. Дорогие яйца, подгузников не достать. Жена скупил все маркетплейсы. Должность дали, а прибавка только инфляцию покрыла. Отпуск летом не дают – в Анапу не поехать.

- Ты мелко мыслишь, Марат! – сказал Олег, когда друг закончил свою исповедь. – Наш город – дыра. Болото. Тут тонут все перспективы, амбиции. Вот сколько ты был на своей старой должности? Года три?
- Два...
- Не суть! Что изменилось? Больше обязанностей за почти те же деньги. А что дальше? Ты тут не прыгнешь выше головы!
- Блин, Олег, не всем же в Москве жить!

– А я тебе давно предлагал переехать! Я не понимаю, чего ты кобенишься? С твоими мозгами ты бы там – ого-го!

- Ну а ты? Чего ты там в этой своей Москве добился?
- В смысле – чего? У меня хорошая работа, хорошая зарплата. Меня уважают коллеги, ценит начальство. Проекты важные опять же, – рассказывал Олег, размахивая руками перед лицом Марата.
- Ну, поздравляю, и че? Мне и здесь хорошо. Кому я в этой Москве сдался? – Марат раскраснелся и отвернулся к улице.

Олег торжествующе завел руки за голову.

Марат резко повернулся и сказал:

- Гузяль еще хотела подыхать, ты же не против? Вдруг стало очень душно. Олег уперся руками в сиденье и заерзал.
- Гузяль? Зачем?

Олег лихорадочно вглядывался в лица прохожих («в эти одинаковые лица»), искал черные глаза-магниты, ямочки на щеках из снов юности, вздернутый нос, когда-то самый любимый нос. Нашел. Казалось, Гузяль не изменилась. Только казалось. «Выдохлась», – вдруг подумал Олег, будто Гузяль была газировкой или вином. На груди Олега будто лопнул ремень – стало легче дышать.

Они обнялись. Гузяль рассказала, что работает медсестрой, что недавно ездила с подружкой за город на родник. Олег рассказал, «как там Москва». Снова рассказал про работу, про важные проекты, про то, как его ценят на работе. Рассказал про Аню, про то, как они с ней объездили пол-России. И про ее прекрасные завтраки. И про то, какой у нее отличный вкус. И как она красиво рисует.

Гузяль натужно улыбалась. Олег думал, что эти некогда любимые ямочки на щеках сейчас появились из вежливости. И от этого злорадство, словно виски, приятно разливалось по его телу.

- Олег, но скажи же – наш город тоже красивый? Красивый же? Неплохой хотя бы? – спросила Гузяль после некоторой паузы.

Олег ехидно улыбнулся и внимательно посмотрел в глаза Гузяль, но ничего не ответил.

- А как там твой ремонт? – неожиданно спросил Марат.

Бам! За соседним столиком неаккуратный посетитель уронил стул.

- Какой ремонт?

Олега сначала обдало жаром, а потом внутри все похолодело.

Они обнялись. Гузяль рассказала, что работает медсестрой, что недавно ездила с подружкой за город на родник. Олег рассказал, «как там Москва». Снова рассказал про работу, про важные проекты, про то, как его ценят на работе. Рассказал про Аню, про то, как они с ней объездили пол-России. И про ее прекрасные завтраки. И про то, какой у нее отличный вкус. И как она красиво рисует. Гузяль натужно улыбалась. Олег думал, что эти некогда любимые ямочки на щеках сейчас появились из вежливости. И от этого злорадство, словно виски, приятно разливалось по его телу.

неси мне деньги – покрупней купюры. Приведи удачу, отгони беду, защити меня и всю семью». Из зала послышался шум.

– Пап, у тебя все в порядке? – крикнул Олег.

Ответа не последовало. Олег и мама, с жабой в руках, поспешили в зал.

Отец, серый как пыль, лежал на полу и кряхтел. Мать вскрикнула и уронила жабу. Маленький красный камушек-глаз выпал, отскочил от пола и улетел.

«Что делать?» – мелькнуло в голове Олега.

– Звони в скорую! – крикнула мать.

Тук-тук-тук.

«Как же не вовремя», – подумалось Олегу.

Скорая приехала через пятнадцать минут. Трое медиков в синих робах что-то делали с отцом, пока мать объясняла, что случилось. Олег беспомощно шатался по квартире.

– Нужно госпитализировать, – сказал один из врачей.

Отца погрузили на носилки и вынесли.

– Что делать? – в панике спросила мать.

– Что делать... Едем следом.

1.

Рабочий в ржавом жилете собирает листья такого же цвета в кучу. Деревья больничного двора угрюмо скрипят голыми ветками. Холодный ветер периодически разгоняет сложенные кучки листьев, за что получает от рабочего самые неприличные оскорбления.

Тук-тук-тук.

Приемный покой. Ничего не происходит. Несколько человек слоняются в ожидании вердикта незримых присяжных.

Тук-тук-тук.

Зеленые стены, белый кафель. Каталки снуют туда-сюда. Новостей об отце нет.

Тук-тук-тук.

Кто назвал приемный покой приемным покоем? Какой же здесь покой, когда черная неизвестность и страхи терзают тебя, а стрелки часов превращаются в топор палача? Где же эти судьи в белых халатах?

Тук-тук-тук.

Олег изучает содержимое автомата с едой. Два вида детского сока. Банка газировки. Три вида шоколадных батончиков. Один вид соленого арахиса. В соседнем автомате продаются бахилы. Все синего цвета.

Тук-тук-тук.

Вибрирует браслет. Звонят с работы.

– Олег, что там с отчетом?

– Работаю... – растерянно отвечает Олег.

– Олег, сроки горят! Шеф еще хочет, чтобы ты завтра был с ним у генерального. Если что, как раз сам и представишь отчет. Но нужно, чтобы он его сегодня прочитал!

– Я... Я пришлю, что есть!

– Поторопись!

Тук-тук-тук.

Тук-тук-тук.
 Приемный покой. Ничего не происходит. Несколько человек слоняются в ожидании вердикта незримых присяжных.
 Тук-тук-тук.
 Зеленые стены, белый кафель. Каталки снуют туда-сюда. Новостей об отце нет.
 Тук-тук-тук.
 Кто назвал приемный покой приемным покоем? Какой же здесь покой, когда черная неизвестность и страхи терзают тебя, а стрелки часов превращаются в топор палача? Где же эти судьи в белых халатах?

«Что же делать? Я и комп не взял. Что же с отцом? Гузяль!»

Гузяль не сразу берет трубку.

– Господи! В какой вы больнице? Я постараюсь все разузнать!

Тук-тук-тук.

Неожиданно в коридоре появляется отец. Мама вскакивает и бросается к нему. Олег тоже подбегает.

– Поехали домой! – бурчит отец.

– Что произошло, что сказал врач? – хором спрашивают Олег и мама.

– Да ничего он не сказал, здоров я! Домой поехали, – ворчит отец.

Тук-тук-тук. До отбытия поезда остается два часа.

Пока Олег отправляет драфт отчета, мама ругается с отцом.

– Если ты умрешь, что я буду делать? – кричит мама.

Тук-тук-тук.

Звонит Гузяль.

– Почему ушел? Ох, ему, конечно, лучше полежать, Олег. С этим не шутят.

Тук-тук-тук.

– Никуда. Не. Пойду, – чеканит отец.

Тук-тук-тук.

– Папа, может, мне остаться? – наконец спрашивает Олег.

– Ты с ума сошел? У тебя там работа, Аня ждет! Все со мной в порядке! Мама выдумывает.

Тук-тук-тук.

Вибрирует браслет. Сообщение от Ани: «Спасибо за вечер! <3»

Какой вечер? Что за вечер?

Снова браслет. Снова Аня.

«Извини, ошиблась. Это я Соне. Хорошо посидели в кафе».

Тук-тук-тук.

Некогда разбираться. Нужно собрать вещи.

Тук-тук-тук.

Красный чемодан.

Тук-тук-тук.

Вещи. Одежда.

Тук-тук-тук.

Новая рубашка. Книги. Банка соленых огурцов.

Еще одна банка соленых огурцов.

Тук-тук-тук.

Жаба... Проклятая одноглазая жаба.

Тук-тук-тук.

Чертова жаба не влезает.

Тук-тук-тук.

Не влезает. Не...

Жа... Кы... Па... Це... Ъ... Й...

Слова подскакивают, падают, теряют смысл. Жаба фырчит, кружится, вращая единственным глазом. Красная жаба, огурцовый чемодан, золотые соленья... Квадратики, кружочки, палочки, огоньки, прутики вылетают, вздымаются и исчезают.

Олег кричит. Он неистово лупит по чемодану, слишком узкому, чтобы туда влезла жаба. Затем хватается за голову и раскачивается из стороны в сторону.

– Олежа, Олежа, маленький мой! Все хорошо! Все будет хорошо, солнышко! Ну что же ты, милый мой... Все будет хорошо!

